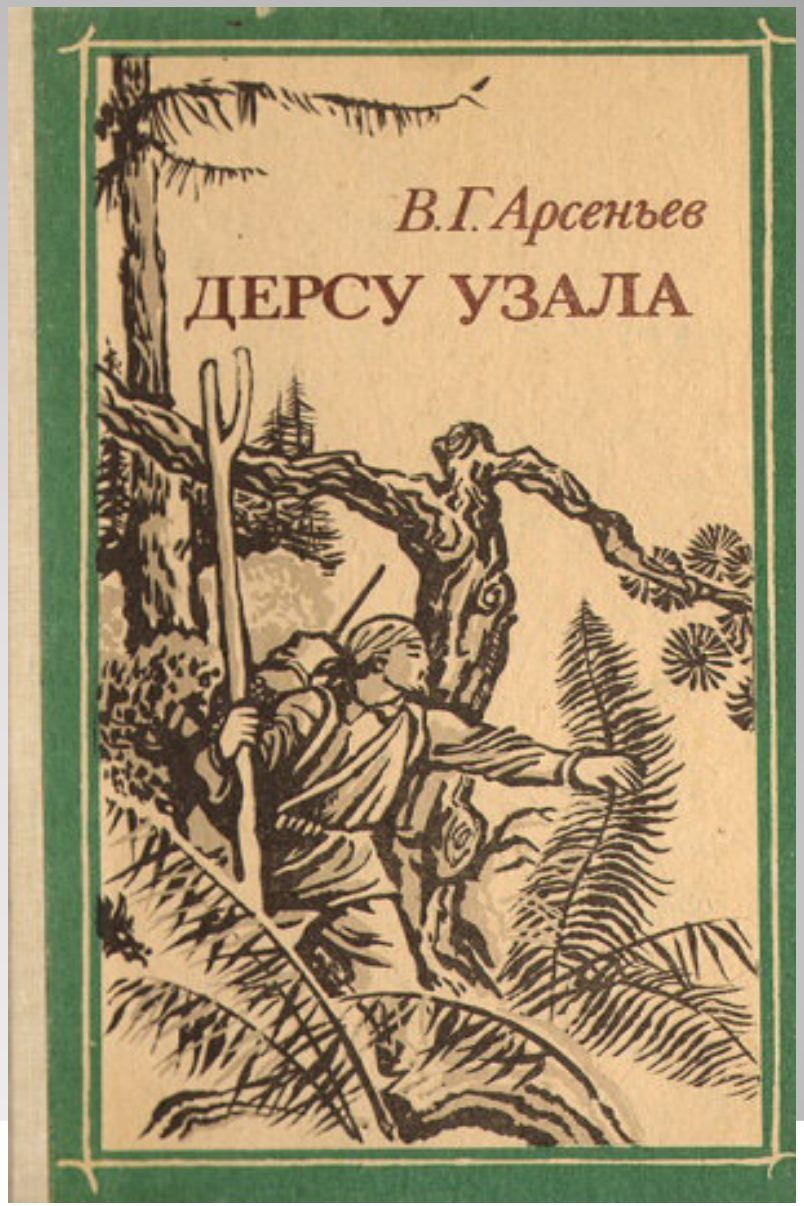
ОБРАЗ ВОСПРИЯТИЯ ТУНГУСА В ПОВЕСТИ В.К. АРСЕНЬЕВА «ДЕРСУ УЗАЛА»

Дэн Голун, аспирант 2 курса
Научный руководитель: Забияко А.А., д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры литературы и мировой художественной культуры
ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет»
412687815@qq.com

Цель:

На материале романа В.К. Арсеньева «Дерсу Узала» исследовать художественный образ восприятия представителя тунгусо-маньчжурской группы



Задачи:

- Выделить основные типологические характеристики персонажа как представителя тунгусского населения Приморского края.
- Определить особенности его этнокультурного и этнорелигиозного сознания как представителя тунгусо-маньчжурской группы.
- Выявить художественные приемы создания образа восприятия тунгуса в художественном тексте.

Образ восприятия

Изучение образа в литературном произведении с точки зрения имагологии – дисциплины, рассматривающей образ «другого», «чужого», осуществляется сквозь призму истории, культуры, менталитета этносов. А.П. Забияко рассматривает образ с точки зрения исторического опыта и восприятия этносов друг друга: «История отношений народов закрепляется в их коллективной памяти и во взаимных восприятиях (образах)» [4, с. 17]. В наиболее целостном виде художественные образы восприятия [3, с. 19] реализуются в художественной этнографии Дальнего Востока, которая начинает развиваться в 10-е гг. прошлого века, на территории Северной Маньчжурии, после начала строительства КВЖД, под пером П.В. Шкуркина и Н.А. Байкова [2].

В 20-е гг. XX в. галерея художественной этнографии Дальнего Востока пополняется образом восприятия гольда (нанайца) Дерсу Узала (в произведениях В.К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» (1921), «Дерсу Узала» (1923) [6].

Дерсу Узала – проводник автобиографического рассказчика Арсеньева по негостеприимной тайге Сихотэ-Алиня. Арсеньев называет его гольдом, в словоупотреблении тех лет гольды – это народ тунгусского племени, живущий по реке Амур. По другой версии, Дерсу Узала принадлежал к удэгейцам (Вс. Сысоев) [7, с. 224-225]. Так или иначе, Дерсу Узала – собирательный образ восприятия тунгуса в указанных произведениях.

В.К. Арсеньев и Дерсу Узала

При создании образа Дерсу Арсеньев не описывает внешность, одежду, голос проводника, он делает акцент на внутреннем мире персонажа, на чертах характера, его отношениях с людьми и миром. Арсеньев называет Дерсу анималистом: «*Дерсу сидел против меня и прислушивался к ночным звукам. Он понимал эти звуки, понимал, что бормочет ручей и о чём шепчется ветер с засохшей травою*» [1, с. 96].

Дерсу Узала

Черты образа восприятия Дерсу

Дерсу – сильный охотник, рыбак, следопыт. Охота для Дерсу – это и есть жизнь, его мир состоит из охоты и тайги, при этом охота не бездумная, это образ жизни. Он, например, предупреждает тигра: «*Амба, – отвечал он. – Моя говори ему: на биваке много солдат есть. Солдаты стреляй, тогда моя виноват нету*» [1, с. 54].

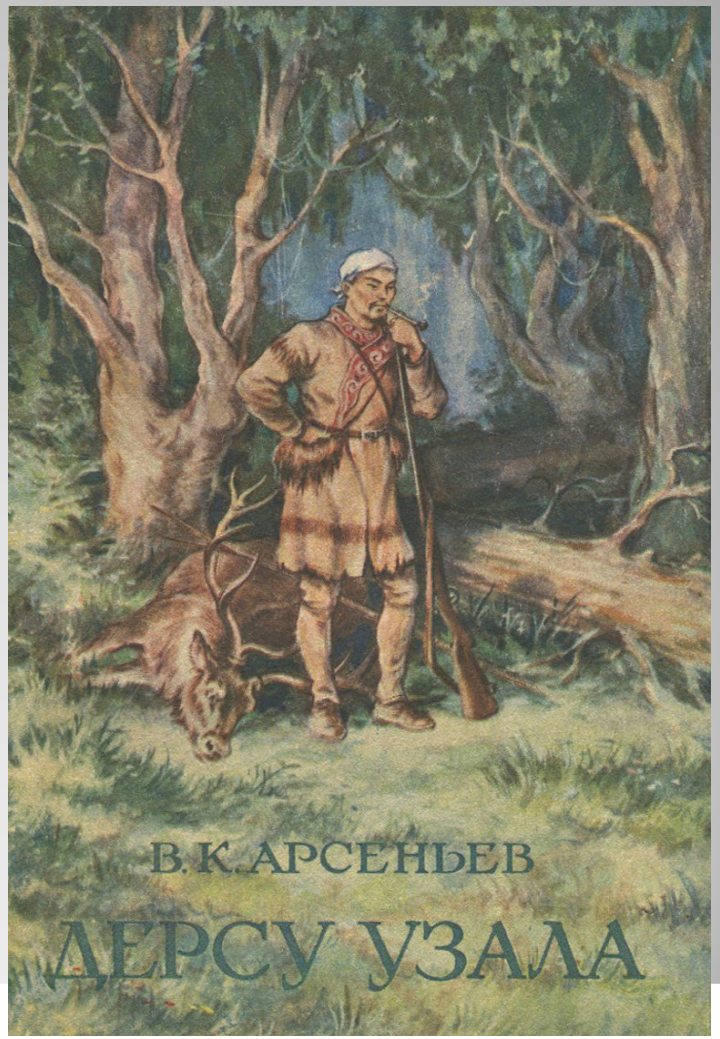
Шаманизм входит в жизнь гольда не только при камлании, но и когда душа просит общения с ушедшими родными: «*То, что он сжигал, он посылал в загробный мир своим родным, которые, по представлению Дерсу, на том свете жили так же, как и на этом. Тогда я осторожно спросил его о криках ночной птицы, на которые он отвечал своими криками.*

– Это ханяла [Тень, душа.], – ответил Дерсу. – Моя думай, это была жена. Теперь она все получила…» [1, с. 42].

Черты образа восприятия Дерсу

Доброта у Дерсу носит внеэтнический характер. Он помогает староверам, тазам, китайцам, русским. Примером неразделения людей стала история с охотой для старовера – поймав оленя, Дерсу разделил мясо поровну: «*Он разделил его на три части. Одну часть отдал солдатам, другую – староверам, третью – китайцам соседних фанз. Стрелки стали протестовать.*

– Нельзя, – возразил Дерсу. – Наша так не могу. Надо кругом люди давай. Чего-чего один люди кушай – грех» [1, с. 21].



Черты образа восприятия Дерсу

Гармония пронизывает сознание Дерсу. Он наблюдает за миром, не пытаясь вмешиваться и менять. Его не заботят метафизическая составляющая бытия:

«– Дерсу, – спросил я его, – что такое солнце?

Он посмотрел на меня недоумевающе и, в свою очередь, задал вопрос:

– Разве ты никогда его не видал? Посмотри! – сказал он и указал рукой на солнечный диск, который в это время поднялся над горизонтом.

Все засмеялись. Дерсу остался недоволен: как можно спрашивать человека, что такое солнце, когда это самое солнце находится перед глазами» [1, с. 86]. Подобные представления, очевидно, присущи всем тунгусам [5, с. 152].

Так, в понимании эвенка, верующего в духов, солнце – часть верхнего мира: «Его появление утром [солнца. – *Д.Г.*] и исчезновение вечером – не просто физический процесс, а настоящее драматическое действо, выстроенное богатым воображением таёжного народа по подобию самого важного и увлекательного для него занятия – охоты» [5, с. 153].

Выводы:

В художественной этнографии В.К. Арсеньева было продолжено создание образа восприятия таежного человека – тунгуса Дерсу, в сознании которого, с одной стороны, стерты межплеменные различия, а доминирующим становится таежная этика. Однако при этом Арсеньев фиксирует те особенности, что характеризуют этническое сознание, бытовые привычки, этнорелигиозные особенности тунгусо-маньчжурского населения Дальнего Востока в целом.

Библиографический список:

1. Арсеньев, А.К. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1: По Уссурийскому краю; Дерсу Узала. – М.: Сов. Россия, 1986. – 576 с.
2. Забияко А.А. От научных изысканий к художественной этнографии: В.К. Арсеньев, П.В. Шкуркин, Н.А. Байков // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. – С. 242-283.
3. Забияко А.А., Сенина Е.В. Образы восприятия русских эмигрантов в китайской литературе 1920-1940 гг. // Emigrantologia Slowian. – Opole. – 2016. – №2. – P. 19-32.
4. Забияко А.П. Русские и китайцы на Дальнем Востоке: двадцать пять лет жизни в условиях открытой границы // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Этнокультурные процессы в политическом контексте: сб. материалов международной научно-практической конференции. Вып. 10 / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2013. – С. 15-29.
5. Забияко А.П., Аниховский С.Э., Воронкова Е.А., Забияко А.А., Кобызов Р.А. Эвенки Приамурья: оленная тропа истории и культуры. – Благовещенск: ООО «Одеон», 2012. – 383 с.
6. Хисамутдинов А.А. Мне сопутствовала счастливая звезда… Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872-1930 гг.). – Владивосток: Дальнаука, 2005. – 256 с.
7. Шестакова Ю. Люди-звёзды. – Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1981. – 336 с.

Спасибо за внимание